

Становление советской американистики как экспертно-академической дисциплины в 1950–1960-е гг.

Игорь М. Тарбеев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, actimel@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается процесс институционализации советской американистики как особой экспертно-аналитической дисциплины. Предпринимается попытка не просто написать историю американистики, но впервые комплексно осмыслить ее как феномен и фактор холодной войны, используя социально-конструктивистский подход и анализ общественно-политического запроса на экспертно-академическое знание в СССР в 1950–1960-х гг.

Именно этот запрос обусловил особенности советской американистики, одновременно ориентированной и на академическое, и на практическое знание. Она конструировала определенный образ американского «Другого», который использовался впоследствии и при выработке внешней политики по отношению к США, и во внутренней политике для формирования советской идентичности. Изучение академического конструирования США и использования их образа поможет лучше понять особенности советско-американских отношений в условиях биполярного мира.

Ключевые слова: американистика, холодная война, экспертное знание, академическое знание, советско-американские отношения, академический «Другой»

Для цитирования: Тарбеев И.М. Становление советской американистики как экспертно-академической дисциплины в 1950–1960-е гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2018. № 3 (13). С. 77–92.

The Formation of American Studies in the USSR as an Expert and Academic Discipline in the 1950s – 1960s

Igor M. Tarbeev

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
actimel@yandex.ru*

Abstract. The article discusses the emergence of American studies in the Soviet Union (*Amerikanistika*) as a special expert-analytical discipline in the 1950s–1960s using a social constructivist approach. The author attempts not only to write the history of American studies, but for the first time to comprehend it as a phenomenon and factor of the “cold war” using the socio-constructive approach and the analysis of the socio-political demand for expert- academic knowledge in the USSR in the second half of the 1950s and 1960s.

This demand shaped the Soviet American studies in a particular way: it was focused simultaneously on both academic and practical knowledge. American studies has constructed a certain image of the American “Other”. That image was subsequently used in the development of foreign policy towards the United States and in domestic policy to construct a Soviet identity different from the American “Other”. Studying the processes of academic construction of the United States and the use of the construct contribute to better understand the features of the Soviet-American relations in a bipolar world.

Keywords: American studies, Cold War, expert knowledge, academic knowledge, Soviet-American relations, academic “Other”

For citation: Tarbeev IM. The Formation of American Studies in the USSR as an Expert and Academic Discipline in the 1950s–1960s. *RSUH/RGGU. Series “Political Science. History. International Relations”*. 2018;3:77-92.

Введение

Американистика как отдельная дисциплина имеет более чем полувековую историю. Академическое изучение США началось еще в XIX в. [1, р. 45–77]. Однако серьезный импульс к развитию, приведший к институционализации, дисциплина получила в усло-

виях холодной войны в результате общественно-политического запроса на всестороннее изучение Соединенных Штатов Америки в биполярном мире.

Несмотря на свою долгую историю, американистика так и не была осмыслена как феномен и фактор холодной войны. Будучи продуктом холодной войны, она стала существенно влиять на ее ход, в определенной мере воздействуя на двусторонние отношения. Изучение американистики в этих двух направлениях имеет свои сложности и открывает новые перспективы.

Если в Соединенных Штатах подобные исследования в отношении советологии существуют [2], то в России исследования по истории американистики представляют собой прежде всего биографические очерки отдельных американистов [3–6] и хроники развития тех или иных исследовательских центров. Ярким примером можно считать «Американский ежегодник 2008/2009», целый раздел которого был посвящен развитию американистики в разных городах и университетах [7]. Подобные статьи есть и в других журналах и сборниках [8–11].

Пожалуй, единственной попыткой превратить российскую/советскую американистику в объект исследования в контексте двусторонних российско-американских отношений в их академическом измерении можно считать коллективную монографию «Русистика/советология в США, американистика в России: взаимные репрезентации в академических проектах», вышедшую под редакцией В.И. Журавлевой и И.И. Куриллы в США [1]. Особую ценность в этой книге представляет их совместное введение, в котором предлагается комплексное осмысление академического «Другого» [1, р. VI–XVIII]. Глава С.И. Жука, которая посвящена непосредственно периоду холодной войны, фокусируется на особой идентичности самих ученых-американистов в столичных и региональных центрах Советского Союза [1, р. 85–102]. Подобный личностный подход автор использует и в своей достаточно противоречивой книге [12], которая также посвящена идентичности американистов и вызвала критику, прежде всего вследствие некорректного использования методов устной истории и стремления автора выявить повсеместные связи советских американистов с органами государственной безопасности. Объектом его изучения становятся идентичность отдельной социальной группы советского общества, которая постоянно сталкивается с «Другим» в ходе своей профессиональной деятельности, а также взаимоотношения внутри этой группы – между столичными и региональными центрами и отдельными американистами.

Таким образом, американистика как феномен и фактор советско-американских отношений остается малоизученной. Ее исследование необходимо начать с поиска адекватных методологических подходов для осмысления роли советской американистики в контексте холодной войны.

Как отмечают В.И. Журавлева и И.И. Курилла, любое знание о другой стране или другом народе можно разделить на три типа. Первый тип – знание «популярное», оно транслируется медиа, живет в массовых представлениях и оказывает влияние на политиков. Второй тип – академическое знание, которое обычно развивается в рамках традиционных дисциплин. Третий тип – знание экспертное, возникающее по прямому запросу государства и/или общества. От экспертного сообщества требуется создать более конкретное, «прикладное» знание, которое может принимать форму политических рекомендаций [1, р. VII]. Американистика в СССР была и академическим, и экспертным знанием. Кроме того, выступая по радио и телевидению, а также на страницах прессы, советские американисты популяризировали соответствующие версии американской истории и культуры, подчеркивая преимущества советского строя.

Помимо данной типологизации, важное значение имеет предложенная В.И. Журавлевой и подробно прописанная на примере более раннего периода взаимоотношений России и США методологическая схема изучения академического «Другого» в корреляции с внутренней и международной «повесткой дня», основанная на социально-конструктивистском подходе [1, р. 45–77].

Социальный конструктивизм и стал основной методологической рамкой данной статьи, поскольку советская американистика была ориентирована на создание определенного образа США, который использовался для реализации внешней политики в условиях биполярного противостояния, а также для конструирования советской идентичности.

Американистика и «ориентализм»

Сочетание академического и экспертного уровня знания – не уникальная черта советской американистики. Американистика является частью более широкого направления исследований – страноведения/регионоведения, или того, что в англоязычной традиции называют *area studies*.

Страноведение/регионоведение отличается от традиционных академических дисциплин. В странах Запада (прежде всего в

США) оно начало активно развиваться в годы Второй мировой войны. Страноведение должно было стать прикладным и междисциплинарным направлением. Правительствам военного времени и периода холодной войны не нужны были рафинированные знания о «Другом», поскольку результаты исследований трансформировались в конкретные политические рекомендации. Это предполагает и междисциплинарный характер изучения других стран и народов: для адекватных рекомендаций необходимо учитывать социальные, политические и экономические процессы, исторический опыт и культурные традиции. Как заметил американский историк Дэвид Энгерман, «междисциплинарные проекты идеально подходят для проведения исследований вокруг практических проблем и обучения экспертов-практиков для работы в государственных учреждениях, а не для реализации дисциплинарных надежд ученых» [2, р. 3].

Таким образом, страноведение изначально формируется как экспертное знание в соответствии с общественно-политическим запросом. Тем не менее страноведению вообще и американистике в частности было не обойтись без традиционных академических дисциплин. Ведь экспертиза и политические рекомендации требуют точности, а значит, и понимание «Другого» должно быть глубоким. Этой глубины нельзя достичь, изучая лишь современную политику и экономику. Американистика не могла существовать лишь как экспертное знание, ей необходима была историческая составляющая. Поэтому она в значительной степени выросла из академических дисциплин и использовала их наработки.

Интерес к истории и культуре Соединенных Штатов появился в России еще до революций 1917 г. [1, р. VIII–IX, 48–53]. Советская американистика стала активно развиваться в межвоенный период: именно тогда начинали свою научную и преподавательскую деятельность ее «отцы-основатели» – Алексей Владимирович Ефимов на кафедре новой и новейшей истории в МГУ и Лев Израилевич Зубок в Институте философии, литературы и истории и в Высшей партийной школе при ЦК КПСС. В 1934 г. А.В. Ефимов пишет монографию «К истории капитализма в США», на которой, по выражению Н.Н. Болховитинова, «воспитывалось целое поколение советских историков – специалистов по США» в то время, когда учебных пособий по этой дисциплине еще не было [13, с. 342].

Однако задолго до оформления регионоведения в своем современном состоянии уже существовала одна регионоведческая дисциплина – востоковедение. Востоковедение исследовал в своем знаменитом труде «Ориентализм» американский ученый Эдвард

Саид. Ориентализм для Саида – это особый способ понимания и описания «Востока» для идеологического и политического доминирования Европы над ним. Как часть этого большого дискурса Саид выделяет и востоковедение, направленное на конструирование восточного «Другого». Востоковедение, по Саиду (так же как и позже американистика), стало «инструментом национальной политики», который важен для «общественной жизни» [14, с. 426]. Востоковедение предполагало всестороннее изучение восточного общества и, следовательно, междисциплинарный подход, а не классическое дисциплинарное знание. Одной из важнейших функций ориентализма является выстраивание своего «Я», отталкиваясь от восточного «Другого». Причем это конструирование «Себя» и «Другого» должно было базироваться не только на внешних различиях, но и на научном знании, тщательно обосновываться и фиксироваться в академических трудах. Эта схема может быть использована и применительно к американистике.

Разумеется, имеется целый ряд различий между тем востоковедением, которое описывает и изучает Саид с акцентом на ориентализм, и американистикой. Важно принимать во внимание специфику подхода к изучению Востока как особого феномена колониальной эпохи и присущее этой экспертно-академической дисциплине общественно-политическое и идеологическое значение.

Объясняя смысл ориентализма, Саид опирается на теоретические разработки Мишеля Фуко и прежде всего на его теорию дискурса и власти-знания, в которой делается акцент на стремлении власти создать особые поля знания для идеологического и политического доминирования. Саид пишет: «...ориентализм можно считать корпоративным институтом, направленным на общение с Востоком – общение при помощи высказываемых о нем суждений, определенных санкционируемых взглядов, его описания, освоения и управления им, – короче говоря, ориентализм – это западный стиль доминирования, реструктурирования и осуществления власти над Востоком. Для того чтобы определить ориентализм, мне представляется полезным обратиться здесь к понятию дискурса у Мишеля Фуко, как он развивает его в работах “Археология знания” и “Надзирать и наказывать”. Моя позиция заключается в том, что без исследования ориентализма в качестве дискурса невозможно понять исключительно систематичную дисциплину, при помощи которой европейская культура могла управлять Востоком – даже производить его – политически, социологически, идеологически, военным и научным образом и даже имажинативно в период после эпохи Просвещения» [14, с. 10].

Понимание США, которое формировалось в рамках американистики, обладало целым рядом схожих с ориентализмом черт, поскольку находилось под воздействием политического и идеологического контекста, превращая американистику в особый корпоративный институт, направленный на общение с Соединенными Штатами при помощи высказываемых о них суждений, определенных санкционируемых взглядов, способов описаний. Конечной целью было производство определенного видения прошлого и настоящего США для последующего идеологического превосходства над ними. Иными словами, это борьба за право интерпретировать историю и логику развития «Другого», а значит, и за право диагностировать его нынешнее состояние и прогнозировать его будущее. Советская интерпретация американской истории признавала величие прошлого США, однако констатировала их «загнивание» в настоящем и неизбежный крах в будущем. При этом, используя марксистско-ленинскую парадигму научного знания, советская американистика занималась поиском исторических объяснений происходивших в настоящем процессов и отвечала на вопрос: «Что пошло не так в американской истории?» Задача научного обоснования этой интерпретации становилась тем более важной, что «Другой» представлял собой противоположный край политического спектра, альтернативный вариант государственного и мирового порядка [1, р. X], поэтому победа в борьбе за право интерпретировать его означала и право интерпретировать весь мир.

Здесь кроется одно из существенных отличий американистики от описанного Саидом понимания Востока. В эпоху расцвета ориентализма научное знание о «Другом» развивалось только в метрополиях. «Восток» был молчалив, «он не мог представлять себя, его должны были представлять другие» [14, с. 7]. Ориентализм предполагает право говорить за «Другого», определять его. Многие исследователи и теоретики ориентализма выделяют это как одну из самых важных его черт [15]. Например, С.Ф. Алатас называет ее «субъектно-объектной дихотомией», которая означает, что «европейцы являются познающими субъектами, в то время как неевропейцы – молчаливыми объектами» [16, с. 90–91].

Соединенные Штаты в отличие от «Востока» могли и желали говорить за себя, сами себя изучать и интерпретировать свою историю и развитие, что служило ключевым механизмом формирования идентичности в противостоянии с советским «Другим». Поэтому важнейшей чертой советской американистики становится борьба с «антимарксистской историографией» [17, с. 335]. Труды историков США тщательно изучаются и оспариваются; выходит

множество статей с критикой американской историографии того или иного вопроса. Особое внимание уделяется значимым для марксистской концепции событиям истории США: Американской революции, Гражданской войне и др. Разбирается и американская интерпретация истории и современного развития других стран, к примеру Китая [13, с. 379–382].

После распада СССР ситуация изменилась, историографические исследования в российской американистике стали редкостью. Некоторые авторы склонны считать, что это связано с «элементарной неосведомленностью, нежеланием вступать в эту необъятную и постоянно расширяющуюся сферу знания, исходя из... научного максимализма», основанного на принципе «все или ничего», т. е. если нельзя рассмотреть все работы, не стоит вообще браться за историографические обзоры. В свою очередь, отмечается и спад интереса к советской и российской историографии со стороны американских исследователей [18]. Этот обоюдный процесс мы связываем с завершением войны за право на интерпретацию истории. «Конец истории», провозглашенный в 1992 г. Ф. Фукуямой, поставил в этой войне точку. В отсутствие стройных идеологических моделей развития мира американским и российским исследователям не с чем стало спорить и нечего защищать. Эпоха «больших нарративов» ушла в прошлое.

Становление американистики в период холодной войны

Военные годы не дали существенного импульса для академического изучения американского «Другого». Тем не менее в этот период закладывается основа для институционализации будущей дисциплины, что было процессом сложным и долгим. Институционализация включает в себя создание университетских центров подготовки будущих специалистов, где обеспечиваются чтение курсов, написание учебников по данной дисциплине и подготовка аспирантов; открытие научно-исследовательских центров (а в идеале института), объединяющих специалистов в этой области; выпуск специализированных периодических изданий.

В 1944 г. на базе международного факультета МГУ был создан Московский государственный институт международных отношений, куда перешел сначала А.В. Ефимов, а в 1948 г. и Л.И. Зубок. Как уже было сказано, в качестве проточучебника использовалась монография «К истории капитализма в США». В 1950-х гг. на

базе своего лекционного курса А.В. Ефимов написал и первый учебник – «Очерки по истории США (1492–1870 гг.)». Л.И. Зубок довел изложение американского исторического материала до 1918 г. Так постепенно оформилась первая школа советской американистики, которая выпустила второе поколение американистов: Г.А. Арбатова, Н.Н. Болховитинова, В.В. Журкина, А.А. Громыко, Э.Я. Иваняна, Ю.А. Замошкина, Н.Н. Яковлева [11, с. 131–132].

Несмотря на то что школа развивалась на базе вуза, она занималась не только академической, но и экспертной деятельностью. МГИМО изначально был создан для подготовки специалистов-практиков широкого профиля в области международных отношений. Студенты не специализировались на какой-либо стране или регионе. Первоначально в институте существовало всего два факультета: историко-международный и международно-правовой. Через год был открыт экономический факультет. Специального центра по изучению США в МГИМО нет до сих пор.

В 1953 г. в Академии наук СССР был создан Центр североамериканских исследований. В конце 1950-х гг. сюда переходят такие выпускники МГИМО, как Н.Н. Болховитинов, В.Л. Мальков, Р.Ф. Иванов. В 1952 г. Г.Н. Севастьянова, младшего научного сотрудника Института истории АН СССР, приглашают читать курс по истории США и вести спецкурс и семинар по американской политике и дипломатии в МГУ. Главный экспертный центр американистики в СССР – Институт США АН СССР (ИСАН) – был создан выпускником МГИМО Г.А. Арбатовым в 1967 г. В 1975 г. в институте открылось направление по изучению Канады, и он был переименован в Институт США и Канады (ИСКАН). Именно ИСКАН и Центр североамериканских исследований начали публикацию периодических изданий по американистике.

В 1970 г. появляется журнал ИСКАН «США – экономика, политика, идеология», а в 1971 г. – «Американский ежегодник», выпускавшийся Центром североамериканских исследований. Если сравнить содержание номеров, то можно заметить, что первое издание было больше ориентировано на статьи по современным проблемам международных отношений, внешней и внутренней политики США, а второе – на публикации по истории, методологии и историографии. Таким образом, журнал ИСКАН имел экспертно-аналитический характер, а «Американский ежегодник» – аналитический.

Итак, к началу 1970-х гг. институционализация американистики как особой дисциплины в основных чертах завершилась: у нее появились свои программы подготовки специалистов, учебники

[18], исследовательские центры, научные институты и периодические издания.

На всем протяжении своего развития американистика сохраняет две важнейшие составляющие: академическую и экспертную. Между ними нельзя провести четкой границы, так тесно они сплетены: академические и университетские центры занимаются и экспертной деятельностью, а экспертные центры – академическими исследованиями. Кроме этих двух составляющих, существует и третья – популяризаторская, которая заслуживает отдельного внимания в рамках специального исследования.

Процесс институционализации в качестве экспертно-академической дисциплины в ответ на общественно-политический запрос переживала не только американистика. В 1950-е гг. Советский Союз начал испытывать острую потребность в экспертно-академических исследованиях и центрах, которые проводили бы такие исследования. По замечанию Г.А. Арбатова, «ситуация была абсурдной», потому что в стране, кроме Института востоковедения, «не было ни одного центра, изучающего международную тематику – зарубежные страны, внешнюю политику, международные экономические и политические проблемы» [19, с. 96].

Важнейшей вехой в развитии экспертно-аналитического знания в СССР стало создание в 1956 г. Института мировой экономики и международных отношений, который осуществляет и фундаментальные, и прикладные исследования. Г.А. Арбатов и П.П. Черкасов называют ИМЭМО «ребенком» XX съезда КПСС [19, с. 96; 20, с. 98]. Здесь мы отчетливо видим, как внутренняя и внешняя «повестка дня» формировала запрос на экспертное знание. В 1953 г. в Советском Союзе сменилась власть. Новое руководство активно корректировало внутри- и внешнеполитический курс. Первым шагом к сближению с капиталистическими странами стало участие СССР в Женевском совещании 1955 г., на котором Советский Союз предложил проект Общеввропейского договора о коллективной безопасности. В 1956 г. на XX съезде КПСС была принята Концепция «мирного сосуществования». С этими решениями пришло и осознание того, что политику и экономику капиталистических стран, с которыми предстояло решать спорные вопросы путем переговоров, не отказываясь при этом от продолжения классовой борьбы, необходимо изучать на совершенно другом уровне.

В Постановлении Президиума АН СССР о создании ИМЭМО был такой пункт: «Обязать Институт мировой экономики и международных отношений АН СССР информировать директивные

органы о новых процессах в экономике и политике капиталистических стран»¹. Как отмечает П.П. Черкасов, «это придавало ИМЭМО особый статус, выделявший его из ряда других академических институтов гуманитарного профиля. Решение собственно научных, фундаментальных задач должно было сочетаться в деятельности ИМЭМО с информационно-аналитическим обслуживанием директивных органов, т. е. ЦК КПСС, СМ СССР, отдельных министерств и ведомств. Иными словами, ИМЭМО с самого начала находился под высоким покровительством ЦК» [20, с. 106].

Впоследствии появляются институты, специализирующиеся на определенных регионах. Импульсами к их созданию становятся конкретные события в мире, что в очередной раз показывает важность общественно-политического запроса в формировании страноведческих и регионоведческих дисциплин.

Так, в конце 1950-х гг. начинают распадаться старые колониальные империи. Открывается новый фронт холодной войны: освободившимся от колониальной зависимости государствам предстояло выбрать путь развития – советский или западный/американский. Для эффективной работы с этими государствами необходимо было их изучать. Поэтому в 1959 г., накануне «года Африки», «в целях всестороннего изучения современных политических и экономических проблем африканского континента, а также истории и культуры народов Африки» из Института востоковедения был выделен Институт Африки [21]. В 1961 г., после революции на Кубе и личной встречи Н.С. Хрущева и Ф. Кастро на Генеральной ассамблее ООН, был создан Институт Латинской Америки. Этот регион был определен как «зона активной антиимпериалистической борьбы и национально-освободительного движения» [22]. В 1966 г. основан Институт Дальнего Востока, главной задачей которого становится «комплексное изучение проблем Китая, Японии, Корейской Народно-Демократической Республики, Республики Корея, отношений Советского Союза/России с этими государствами, опыта социально-экономического развития названных стран, их истории и культуры, содействие межцивилизационному диалогу со странами СВА» [23]. Возникают и консультационные группы в ЦК. О работе в одной из таких групп под руководством Ю.В. Андропова вспоминает Г.А. Арбатов [19, с. 114–121]. Таким образом, запрос на экспертно-академическое знание обо всех регионах мира появился благодаря изменению внутренней и международной «повестки дня».

¹ Цит. по: [20, с. 106].

Создание ИСКАН становится завершающим этапом реагирования на этот большой запрос. Можно предположить, что именно происходившая в то время разрядка в советско-американских отношениях актуализировала потребность в американистике: для успешного участия в переговорном процессе необходимо было лучше представлять того, с кем пытаешься договориться.

Заключение

Советская американистика институционализировалась в ответ на масштабный общественно-политический запрос, продиктованный условиями холодной войны. Этот процесс в основных чертах завершился к началу 1970-х гг.

В результате советская американистика сформировалась как дисциплина, направленная одновременно на выработку академического и экспертного знания. Ее важнейшими особенностями в условиях биполярного мира были ориентация на практическое знание, политическая значимость, академическое конструирование и интерпретация американского «Другого» в корреляции с советским «Я».

Используя подход, предложенный Э. Саидом, можно сделать вывод о том, что американистика, находясь под воздействием политического и идеологического контекста, превращалась в особый корпоративный институт, направленный на коммуникацию с Соединенными Штатами и производство определенной модели идеологического доминирования над ними. Такой подход может объяснить и активную «войну историографий» как войну за право говорить за Америку и представлять ее. Детали функционирования этого корпоративного института, способы описания, которыми он пользовался, модели, которые он предлагал, и роль, которую он играл в советско-американских отношениях, еще только предстоит изучить.

Литература

1. Soviet Studies in the United States, Amerikanistika in Russia: Mutual Representations in Academic Projects / Ed. by I.I. Kurilla, V.I. Zhuravleva. Lanham, Maryland: Lexington Books, 2016. 306 p.
2. Engerman D. Know Your Enemy: The Rise and Fall of America's Soviet Experts. L.: Oxford Univ. Press, 2009. 459 p.

3. *Журавлева В.И., Курилла И.И.* «Не разжигать вражду, а способствовать взаимопониманию между народами»: Памяти Николая Николаевича Болховитинова, человека и ученого // Россия и США на страницах учебников: опыт взаимных репрезентаций / Институт Кеннана; под ред. В.И. Журавлевой и И.И. Куриллы. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. С. 370–401.
4. *Козенко Б.Д., Курилла И.И.* Роберт Федорович Иванов (1925–2003) // Портреты историков: время и судьбы. Т. 5. М.: Наука, 2010. С. 270–283.
5. Портреты историков: время и судьбы. Т. 2. М.: Наука, 2000. С. 159–182.
6. *Кремешок В.А.* Академик Г.А. Арбатов – основатель Института и его директор в 1967–1995 гг. // США и Канада: экономика, политика, культура. 2017. № 2. Февр. С. 5–19.
7. Американский ежегодник 2008/2009. М., 2010.
8. *Носков В.В.* Первые шаги американистики в Ленинграде // Всеобщая история и история культуры: Петербург. историогр. сб. / Сост.: Б.С. Каганович, Н.Л. Корсакова. СПб.: Лики России, 2008. С. 259–277.
9. *Носков В.В.* Петербург американистика: основные этапы развития // Санкт-Петербург – США: 200 лет российско-американских дипломатических отношений / Ред. А. Прохоренко. СПб.: Европейский дом, 2009. С. 184–212.
10. *Носков В.В.* Становление американистики в Санкт-Петербурге // Тр. объедин. науч. совета по гуманитарным проблемам и ист.- культ. наследию. 2006. СПб.: Наука, 2007. С. 28–51.
11. *Печатнов В.О.* Американистика в МГИМО [Электронный ресурс] // Вестник МГИМО. 2014. № 5 (38). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/amerikanistika-v-mgimo> (дата обращения 15 мая 2018).
12. *Zhuk S.* Soviet Americana: The Cultural History of Russian and Ukrainian Americanists. [L.]: I.B. Tauris, 2018. 352 p.
13. *Болховитинов Н.Н.* США: проблемы истории и современная историография. М.: Наука, 1980. 406 с.
14. *Саид Э.* Ориентализм. СПб.: Русский мир, 2006. 640 с.
15. *Говоруннов А.В., Кузьменко О.П.* Ориентализм и право говорить за другого [Электронный ресурс]. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/govorunov-av/orientalizm-i-pravo-govorit-za-drugogo> (дата обращения 15 мая 2018).
16. *Алатас С.Ф.* Жив ли ориентализм? Его наследие в современных социальных науках // Ориентализм vs. ориенталистика: Сб. ст. / Отв. ред. и сост. В.О. Бобровников, С.Дж. Мири. М.: Садра, 2016. С. 87–108.
17. *Согрин В.В.* Центральные проблемы истории США. М.: Весь мир, 2013. 352 с.
18. *Цветков И.А., Кубышкин А.И.* Университетские учебники по истории США как индикатор состояния российской американистики // Россия и США на страницах учебников: опыт взаимных репрезентаций / Институт Кеннана; под ред. В.И. Журавлевой и И.И. Куриллы. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. С. 181–206.
19. *Арбатов Г.А.* Человек системы. М.: Центрполиграф, 2015. 416 с.

20. *Черкасов П.П.* ИМЭМО: портрет на фоне эпохи. М.: Весь мир, 2004. 572 с.
21. Решение о создании института [Электронный ресурс] // Институт Африки Российской академии наук. URL: <https://www.inafran.ru/node/462> (дата обращения 15 мая 2018).
22. *Давыдов В.М.* Институт Латинской Америки РАН: полвека научной деятельности [Электронный ресурс] // URL: <http://naukarus.com/institut-latinskoj-ameriki-ran-polveka-nauchnoy-deyatelnosti> (дата обращения 15 мая 2018).
23. Об Институте Дальнего Востока Российской академии наук [Электронный ресурс] // Институт Дальнего Востока Российской академии наук. URL: <http://www.ifes-ras.ru/structure> (дата обращения 15 мая 2018).

References

1. Kurilla II., Zhuravleva VI. *Soviet Studies in the United States, Amerikanistika in Russia: Mutual Representations in Academic Projects*. Lanham, Maryland: Lexington Books Publ.: 2016. 306 p.
2. Engerman D. *Know Your Enemy: The Rise and Fall of America's Soviet Experts*. London: Oxford University Press, 2009. 459 p.
3. Zhuravleva VI., Kurilla II. "Not to Foment Enmity, but to Promote Better Understanding between Peoples". In Memory of Nikolai Nikolaevich Bolhovitinov, a Person and a Scholar. V: Zhuravleva VI., Kurilla II. *Russia and the United States: Mutual Representations in Textbooks*. Volgograd: Volgograd State University Publ.; 2009. p. 370-401. (In Russ.)
4. Kozenko BD., Kurilla II. Robert Fedorovich Ivanov (1925-2003). V: *Portraits of Historians: Time and Fate*. Vol. 5. Moscow: Nauka Publ.; 2010. P. 270-83. (In Russ.)
5. *Portraits of Historians: Time and Fate*. Vol. 2. Moscow: Nauka Publ.; 2000. p. 159-82. (In Russ.)
6. Kremen'yuk VA. Academician G.A. Arbatov as the Founder of the Institute and its Director in 1967–1995. *USA and Canada: Economics, Politics, Culture*. 2017;2:5-19 (In Russ.)
7. *American Yearbook*, 2008/2009. Moscow, 2010. (In Russ.)
8. Noskov VV. The First Steps of Amerikanistika in Leningrad. V: Kaganovich BS., Korsakova NL., comp. *General History and History of Culture. Petersburg Historiographic Collection*. Sankt-Peterburg: Liki Rossii Publ.; 2008. p. 259-277. (In Russ.)
9. Noskov VV. American studies in St. Petersburg: The Main Stages of Development. V: Prokhorenko A., ed. *St. Petersburg – United States. 200 Years of the Russian-American Diplomatic Relations*. Sankt-Peterburg: Evropeiskii Dom Publ.; 2009. p. 184-212. (In Russ.)
10. Noskov VV. Formation of American Studies in St. Petersburg. V: *Proceedings of the Joint Scientific Council on Humanitarian Problems and Historical and Cultural Heritage*. 2006. Sankt-Peterburg: Nauka Publ.; 2007. p. 28-51. (In Russ.)

11. Pechatnov VO. American studies in MGIMO [Internet]. Vestnik MGIMO. 2014;5. [data obrashcheniya 15 May 2018]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/amerikanistika-v-mgimo> (In Russ.)
12. Zhuk S. Soviet Americana: The Cultural History of Russian and Ukrainian Americanists. [London]: I.B. Tauris Publ.; 2018. 352 p.
13. Bolhovitinov NN. USA: Problems of History and Contemporary Historiography. Moscow: Nauka Publ.; 1980. 406 p. (In Russ.)
14. Said E. Orientalism. Sankt-Peterburg: Russkii mir Publ.; 2006. 640 p. (In Russ.)
15. Govorunov AV, Kuz'menko OP. Orientalism and the Right to Speak for the Other [Internet] [data obrashcheniya 15 May 2018]. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/govorunov-av/orientalizm-i-pravo-govorit-za-drugogo> (In Russ.)
16. Alatas SF. Is Orientalism Alive? Its Legacy in Contemporary Social Sciences. V: Bobrovnikov VO., Miri SJ., ed. *Orientalizm vs. Orientalistika: Collection of Articles*. Moscow: Sadra Publ.; 2016. p. 87-108. (In Russ.)
17. Sogrin VV. Central Problems of US History. Moscow: Ves' mir Publ.; 2013. 352 p. (In Russ.)
18. Tsvetkov IA, Kubyshkin AI. University Textbooks on the US History as an Indicator of Russian American studies. V: Zhuravleva VI., Kurilla II., ed. *Russia and the United States: Mutual Representations in Textbooks*. Volgograd: Volgograd State University Publ.; 2009. p. 181-207. (In Russ.)
19. Arbatov GA. The Man of the System. Moscow: Tsentrpoligraf Publ.; 2015. 416 p. (In Russ.)
20. Cherkasov PP. IMEMO: Portrait on the Background of the Times. Moscow: Ves' mir Publ.; 2004. 572 p. (In Russ.)
21. The Resolution to Establish an Institution [Internet]. *Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences*. [data obrashcheniya 15 May 2018]. URL: <https://www.inafran.ru/node/462> (In Russ.)
22. Davydov VM. Institute of Latin American Studies of the Russian Academy of Sciences: Half a Century of Research [Internet]. [data obrashcheniya 15 May 2018]. URL: <http://naukarus.com/institut-latinskoy-ameriki-ran-polveka-nauchnoy-deyatelnosti> (In Russ.)
23. About the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences [Internet]. *Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences*. [data obrashcheniya 15 May 2018]. URL: <http://www.ifes-ras.ru/structure> (In Russ.)

Информация об авторе

Игорь М. Тарбеев, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6; actimel@yandex.ru

Information about the author

Igor M. Tarbeev, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; actimel@yandex.ru